

[ЗА] ПРЕДЕЛЫ ВЫБОРА И ДИАЛОГА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ РЕАЛЬНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Большакова Анастасия Сергеевна

Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого
anastasiabolshakova00@gmail.com

[BEYOND] THE LIMITS OF CHOICE AND DIALOGUE: AXIOLOGICAL RISKS OF THE ARTIFICIAL INTELLIGENCE REALITY

A. Bolshakova

Summary: The article uses the example of dialogue transformation (negation) and the problem of delegating responsibility to describe the axiological risks arising from the spread of artificial intelligence. The digital environment is presented as the sphere of the ultimate inflation of Dialogue, the sphere of extimacy and unification of the Language field, depriving the subject of its own value and integrity. Communication between the subject and the AI (Self-Other with the Other) follows the model of anamorphosis, which, by deconstructing hierarchies of values, captures the subject in the (liminal) space of the void of the Dialogue displaced outside. The subject's delegation of responsibility and the right of moral choice to the AI eliminates the value of the uniqueness of an act, which creates the illusion of immortality. Dialogue and responsibility in the conditions of AI development are increasingly alienated into virtuality, depriving the subject of freedom, and giving ontological status to the risks of the value order.

Keywords: axiological risk, artificial intelligence, responsibility, moral choice, Dialogue, language, anamorphic type of communication.

Аннотация: В статье на примере трансформации (негации) диалога и проблематики делегирования ответственности рассматриваются аксиологические риски, возникшие в связи с распространением искусственного интеллекта. Цифровая среда представляется сферой предельной инфляции Диалога, сферой эктимности и унификации поля Языка, лишаящей субъекта собственной ценности и целостности. Коммуникация между субъектом и ИИ (Я-Другого с Другим) осуществляется по модели анаморфоза, который, деконструируя иерархии ценностей, захватывает субъекта в (лиминальное) пространство пустоты вытесненного вовне Диалога. Делегирование субъектом ответственности и права морального выбора ИИ устраняет ценность неповторимости поступка, что создает иллюзию бессмертия. Диалог и ответственность в условиях развития ИИ все больше отчуждаются в виртуальность, лишая субъекта свободы и придавая рискам ценностного порядка статус онтологических.

Ключевые слова: аксиологический риск, искусственный интеллект, ответственность, моральный выбор, Диалог, язык, анаморфный тип коммуникации.

«Нынешнее положение человека состоит в фиксации индивида в «подвешенном» состоянии – тотальной неопределенности, двойственности, или вернее множественности – зависании в точке ветвления (бифуркации) [7]»

За последнее десятилетие цифровой трансформации общества наряду с развитием больших данных и вычислительных мощностей, необходимых для их обработки, предметом противоречивых мнений и обширных дискуссий стал искусственный интеллект. Вызовы, связанные со стремительным распространением ИИ, проникли во все сферы жизни, отрасли знания и научные дисциплины. Возможно, стоит вести речь о том, что искусственный интеллект, как бы «прикрепляясь» к каждому диспозитиву и трансформируя этот объект-диспозитив¹, меняет «диалектику живых существ и диспозитивов», при которой «субъект становится единственной

возможной формой создания и обозначения пространства между ними [12, с. 79]». В условиях развития ИИ этой возможной формы продуцирования пространств между диспозитивами практически не остается, и, если согласно Агамбену, «...в жизни индивидуумов не осталось ни одного момента, который не был бы моделирован... или контролируем каким-либо диспозитивом [1, с. 27]», то на сегодняшний момент сами диспозитивы во многом моделируются ИИ, и только во вторую очередь, моделируют субъективное бытие. Данная ситуация значительно, зачастую парадоксальным образом, изменяет классические этические категории. Но в данной статье нам бы хотелось, отвлекаясь от причинности, по которой ИИ возводит реальность в триумф парадоксов, подробнее остановиться на проблеме последствий - рисков аксиологического характера, возникновение которых обусловлено как самим ИИ, так многочисленными, связанными с ним мистификациями.

¹ В терминах Дж. Агамбена – «любая вещь, обладающая способностью захватывать, ориентировать, определять, контролировать и гарантировать поведение, жестикуляцию, мнения и дискурсы живых людей», «не только тюрьмы, психбольницы, паноптикумы..., но и письменные принадлежности, письмо, литература, философия ... и, почему бы и нет, сам язык». Цит. по Агамбен Дж. Что такое диспозитив? // Что современно? Киев, 2012. — С. 26.

Так, понятие «аксиологический риск» определяется как «риск формирования неких ценностей, не соответствующих нравственному идеалу (оппозиционные ценности) [9]», и в данном контексте важно, что такие риски следует рассматривать не как прямую угрозу или опасность, а скорее как феномен, за собой эти угрозы влекущий. Мы же в данной работе под аксиологическими рисками будем понимать риски, которые находятся не столько в сфере оппозиции «классической» нравственности, сколько возникающее в новом возможном поле ценностей и смыслов (иначе говоря, трансформация ценностей не всегда противопоставлена нравственному идеалу, меняются не сами ценности, а форма их экзистенции, их «встраиваемость» в цифровой ландшафт, придающая самой реальной действительности характер виртуальной). И, несмотря на непосредственную аксиологическую составляющую, они (эти риски) не просто носят инструментальный характер (обратимый, поддающийся коррекции), а скорее обладают тотализующим статусом «координатора» новой онтологии.

Среди основных аксиологических рисков, возникших с развитием ИИ, можно выделить следующие: усиление множественности идентичности как следствие появления цифровой идентичности (которая может быть ложной, в т.ч. сгенерированной искусственным интеллектом), влекущее за собой этические и аксиологические противоречия (невозможность однозначности ее ценности и репрезентации); потеря ценности знания и переход его в информацию; потеря волевой составляющей саморепрезентации (она может выстраиваться на основе ИИ другими пользователями без ведома субъекта, свободно циркулируя в цифровом пространстве); «дегуманизация» Диалога (потеря его гуманистического содержания); «рассеивание» морального сознания в связи с делегированием выбора алгоритмам; трансформация категории свободы, которая может быть понята как форма анонимного и безличного блуждания, когда Я рассеяно и фрагментировано в обширных (нейро)сетях, свобода становится танцем между саморассеянностью и не менее плюралистичными этическими обязательствами (поверхностная эстетизация нравственности); своеобразное затмение, потенциальное стирание «лица» как того, что не может быть сведено к простым данным или информации, а скорее превышает и разрушает любые попытки тотализации (в терминах Э. Левинаса - как «сугубо внешняя сторона, абсолютная экстериторность, которой субъект никогда не обладает [6]», источник этических требований, призывающий нас к ответственности). Развитие ИИ, при помощи которого принятие решений все больше опосредуются алгоритмами, открывает ситуацию, когда Другой может быть сведен к набору количественных переменных, лишенных своей уникальности и этической востребованности (Другой больше не воспринимается как источник трансцендентности). Разумеется, данный список может быть конкретизирован

дилеммами цифровой этики и реальными примерами (событийными остановками реальности, в которых должен инкапсулироваться субъект как субъект морального выбора) – начиная от «практикоориентированных» ситуаций (предельно «предметных» сфер) выбора (цифровое насилие, цифровая агрессия, дипфейки и их производные), заканчивая экзистенциальными (исконно онтологическими) проблемами (виртуальный эскапизм, трансформация базовых экзистенциалов (смерть, тревога, ужас)), усиливающими дезориентацию/дереализацию (в) реальности.

Далее будет рассмотрено только два (наиболее, по нашему мнению, фундаментальных) аксиологических риска из множества возможных: первый связан с трансформацией ценности Диалога, второй – с трансформацией категории ответственности.

ИИ как проводник в пространство между коммуникацией

Первый аспект, на который хотелось бы обратить внимание – это принципиальная перестройка языка в цифровом пространстве. Вспомним притчу о вавилонской башне: как Бог раздробил человеческий язык на множество частей, введя в сферу коммуникации измерение отчуждения («Падение от единого языка - это падение от чистой утопической непосредственности мира презентации в неопределенные глубины мира репрезентации [14, с. 134]»), так алгоритмы ИИ создали пространство полностью отчужденной коммуникации, сферу вне Языка и вне Диалога (сферу предельной инфляции Диалога, ставшей возможной благодаря «оцифровыванию» реальности, экстимности («вынесение интимности вовне [13]», неологизм Ж. Лакана), унификации поля Языка/Диалога, в которой субъективность теряет свою ценность).

Язык является лишь сиюминутным результатом, всегда неопределенным итогом социальных реалий, которые он отражает, и контекстов его использования, при этом он участвует в конструировании и рационализации социальной реальности, всегда выступает посредником в вечной ссылке на некую внешнюю реальность, находится в постоянной коммуникации с ней. Язык становится избыточно производимым и избыточно означаемым, знаки, будучи гиперреферентными по отношению друг к другу (не зависящими от какого-то реального внешнего объекта-референта), разрастаются во всех направлениях. Язык в цифровом пространстве вынужденно существует в ситуации постоянно накапливающейся знаковой сжатости (в гиперпроизводстве знаков), являясь средством сжатия и циркуляции переименованного, тотальных эффектов перепроизводства простых знаков. Достигнув точки насыщения, язык вынужден сжимать себя в информацию [14]. Цифровое пространство, таким образом, - пространство сжатого (до точки?) языка, пространство

информации, а пространство ИИ (на примере диалогового чат-бота) – пространство-между (между публичным и приватным пространством, между пространством субъекта (субъективности) и объекта (объективированности), между знаками в отсутствие референта, а в более широком смысле – между феноменальным миром и его интерпретацией).

ИИ – лиминальный репортер реальности, ее ретранслятор и, что наиболее важно, ее создатель. Нейросети вносят свой вклад в создание общественных и частных пространств, инсценируя реальность, зачастую ложную, галлюцинаторную (явление галлюциноза). Язык ИИ – это одновременного многоголосье и какофония (множество голосов (всегда Других) – институциональных, научных, организационных, коммерческих, ассоциативных, индивидуальных, маргинальных и т. д.). Каждый голос вносит свой вклад в отношения власти, которые также являются отношениями языка. Конструирование как публичного, так и частного пространства внутри «диалога» (субъект – искусственный интеллект) – это всегда конструирование пустоты. Вспомним здесь размышления Б. Гройса о публичных пространствах: «Толпа на улицах — это одинокая толпа, толпа, которая общества не создает. [...] ... чтобы публичное пространство имело более постоянный характер, то есть конституировалось как пространство, которое, в свою очередь, может конституировать общество, нам нужно это публичное пространство построить, то есть построить вакуум, пустоту, в которой общество может состояться: впустить в город вакуум, ничто, не-место, если хотите — у-топию [3, с. 7]». Пространство такого «диалога», таким образом, это всегда не-пространство, сфера-между не в смысле промежуточного пункта в терминах конституирования акта коммуникации (как пространство между отправителем и получателем, пространство декодировки и становления смысла, пространство декартовой репрезентации, «которая устанавливает отношения между двумя различными субстанциями, телом и разумом, субъектом и объектом, человеком и миром» и является «единственным способом гарантировать реальность субъекта и реальность природы [21]»), а в смысле сферы инверсий и смены углов зрения. Такой диалог – это зазор в более широком смысле – между реальностью и виртуальностью.

Л. Сфез выделяет три основные тенденции в коммуникации: репрезентативная, экспрессивная и коммуникация, «сбивающая с толку» [20]. Первая базируется на метафоре машины, которую человек использует и контролирует: для отправителя коммуникация означает отправку вычисляемых сообщений получателю. В свою очередь, экспрессивная коммуникация, основанная на метафоре организма, приспособляющегося к окружающей среде, может быть передана мыслью Р. Барта «общаться – это говорить так, как человек представляет себе свою собственную речь, чтобы быть услышанным [15]»

(отправитель заранее становится и получателем: «коммуникация уже не состоит из объективного сообщения, поскольку оно является внешним по отношению к общающимся субъектам, а пребывает в субъективной экспрессивности этих взаимодействующих субъектов [16]»). И, наконец, третий тип коммуникации – сбивающая с толку, в основе которой лежит «метафора общающихся субъектов, объединенных некоей неразрывной связью, существующей внутри самой коммуникации [20]», а не с коммуникацией (репрезентативный тип) или через коммуникацию (экспрессивный тип). Другими словами, «реальности второй степени, формируемые отправителями, или реальности третьей степени, формируемые получателями, принимаются за одну и ту же реальность первой степени, которая сливается с исходными данными» [20, р. 87]. Л. Сфез полагает, что эта тенденция сигнализирует о появлении обедненной и даже опасной формы коммуникации, так как она «осуществляется от себя к себе, но от себя, растворенного в целом, это общение не-себя с не-собой» [20, р. 121]. Возникает ситуация, в которой субъект, вступая в акт коммуникации, отрезает себя от реальности, а сообщение, отправитель и получатель сливаются.

В контексте искусственного интеллекта нам хотелось бы продолжить ряд типов коммуникации, предложенный Л. Сфез, и описать тип коммуникации между субъектом и ИИ, при котором реальность не «отрезается» от субъекта, а расслаивается, формируя реальность между, или лиминальную реальность. В основе каждого из вышеописанных типов коммуникации лежит метафора или принцип: машины, организма и пр. На наш взгляд, для коммуникации между субъектом и ИИ подойдет метафора анаморфоза, назовем это анаморфным типом коммуникации (субъект-объектная связь не внутри коммуникации, не через коммуникацию и не с коммуникацией, а между коммуникацией). Так, анаморфоз – это искажение, приобретающее доступную для восприятия форму при смене угла зрения, а в цифровом пространстве «само понятие субъекта помещено в искажение [5]». «О присутствии взгляда как невидимого в зрительном поле объекта можно судить по анаморфическому искажению пространства, по его внутреннему расщеплению. [...] Именно взгляд позволяет субъекту и его бытию отражаться друг в друге в анаморфическом искажении [5]». Коммуникация между субъектом и ИИ – это коммуникация не «не-себя с не-собой», а Я-Другого с Другим, и в поле этой коммуникации возникает еще один актер – взгляд (других), поддерживающий принцип прозрачности.

И анаморфоз, и коммуникация – это способ столкновения с реальностью. Отсутствие взаимности между субъектом и Другим проявляется в переживании одушевленности в неодушевленном (отсюда и ужас от эффекта «зловещей долины» и пр.). Анаморфная коммуникация проявляет незавершенность видимости мира.

Репрезентации, экспрессии и уловок, сбивающих с толку, всегда недостаточно – они всегда в процессе становления, расширения, трансформации. Общение с ИИ открывает игру, в которой зациклено возникновение реверса между словом и смыслом. В процессе коммуникации внимание субъекта всегда обращается на отсутствующую центральную точку, пробел, который можно интерпретировать как репрезентацию отсутствия. Этот центральный разрыв в поле коммуникации, в пространстве диалога, также соответствует тому, что теряется в нашем процессе вербального обмена, то есть тому, что не может быть выражено. Невысказанное в диалоге, вызывающее постоянное колебание между моментом, когда мы слушаем, и моментом, когда мы как бы захвачены и раскрыты словами другого, не является чем-то неуловимым. Напротив, оно настойчиво вызывает то слепое пятно, которое опережает субъекта - послание, которое невозможно полностью понять, послание, одновременно дестабилизирующее и захватывающее в вербальном обмене, не просто потерянная информация, а элемент, который указывает на отсутствие (нечто из ничто, распространение из отсутствия), сублимирует его и делает субъекта захваченным пространством «между» коммуникацией.

Отчуждаемая ответственность: ИИ как Другой

Ответственность в цифровой среде - это ответственность перед неопределимым, перед тем, о чем нельзя сказать, что оно полностью существует, но тем не менее оно оказывает влияние на нашу повседневную жизнь (здесь наиболее уместен неологизм, введенный Ж. Деррида – хонтология (от слов «призрачный», «преследующий», «навязчивый» и «онтология»), «призрак действует на коллектив, он не «субъективен», но различить его можно только через конкретное субъективное восприятие, поскольку в определенном смысле субъективность сама призрачна [4, с. 92]). Ответственность в цифровой среде призрачна, цифровые взаимодействия с ИИ – это хонтологические способы освоения действительности, в реальности не репрезентированные.

В категории ответственности в условиях цифровизации происходят три серьезных сдвига. Первый - ответственность больше не имеет прежнего объекта, второй - ответственность по большей части осуществляется в регистре будущего, а не прошлого (ответственность – это предвидение будущего), третий - ответственность, ориентированная на будущее, неограниченна [17]. Другими словами, цифровая ответственность – ответственность не за себя, а за других, которым может быть причинен вред из-за отсутствия у них средств для защиты от рисков, которым мы их потенциально подвергаем/подвергнем в будущем. Этика цифровой ответственности, выражаясь словами Г. Йонаса, – это «этика предвидения», отвергающая акцент на моральном качестве поступка и имеющая

дело с действиями, «которые оказывают несравнимое каузальное воздействие на будущее и которые сопровождаются прогностическим знанием, которое, пусть и неполное, выходит за рамки всего, что было известно в прошлом. К этому следует добавить масштабность долгосрочных действий и, очень часто, их необратимость [18]».

Учитывая, что будущее нельзя предсказать с какой-либо уверенностью, этика ответственности должна, по мнению Г. Йонаса, «изобрести новые парадигмы», и в качестве одной из таких парадигм ученый предлагает феномен страха за других и предчувствие угрозы. «Только в первых проблесках бури, которая приходит к нам из будущего, на заре ее планетарных масштабов и в глубине ее человеческих ставок, мы можем обнаружить этические принципы, из которых можно вывести новые обязательства, соответствующие новой власти. Я называю это “эвристикой страха” [18]». «В этом универсальном для всех живущих чувстве (чувстве страха) происходит объединение мира [7]». Можно отметить, что в контексте ИИ этот страх – страх инаковости, расширяющей ответственность: для того, чтобы быть привлеченным к ответственности, достаточно принятие возможного риска.

Таким образом, ответственность мыслится уже не в категориях отношения сознания к самому себе, а как отношение к Иному, именно Иной или Иное возлагает ответственность. Это одна ситуация: ответственность в цифровом пространстве просто ложиться на субъекта. Но есть еще и противоположный случай, касаемый снятия с себя ответственности. Современная ситуация развития нейросетей в аспекте размышлений о категории ответственности открывает достаточно парадоксальный эффект морального сознания – моральный выбор полностью или частично может быть делегирован ИИ. Этот эффект (и сам ИИ) наследует генетику внешней памяти, к которой прибавляется эффект «овнешвления» выбора, а стало быть, свободы. Делегирование ответственности размывает «реальность» действительности, ее ценность и ценность действия – единственности и неповторимости поступка, события (М. М. Бахтин), (поступок неповторим как жизнь (его нельзя «прожить» заново), и устранение поступка и ценности события, в свою очередь, обесценивает смерть, создавая иллюзию бессмертия: виртуальное становится реальным, ведь выбор совершается там (сфера бытия ИИ), свобода, адресуемая алгоритмам, также реализуется в виртуальности. Здесь, на наш взгляд, уместно будет вспомнить Э. Левинаса с его идеей о том, что возложение ответственности на других — это настоящая дестабилизация субъекта. «Чувствовать себя ответственным так же тревожно и головокружительно, как быть в заложниках», «как если бы [...] самость пробудилась, как если бы ею обладал другой [19]». «Субъект ... расшатывается другим, требованием или обвинением без слов, на которое я не могу ответить словами, но за которое я не могу отрицать ответственности [19]».

Цифровая среда породила идею «человека дополненного», что «подразумевает, что субъект что-то рутинизирует, автоматизирует и, соответственно, уже может передать (делегируют) эту функцию цифровой среде», так как «цифровая программа подсчитает, измерит, оценит быстрее, качественнее человека» [10]. Разумность алгоритмов, по словам Ю.М. Лотмана, «заключается не в том, что устройство выбирает «целесообразные», «хорошие» или «нравственные» решения, а в том, что оно выбирает [8]», и в этом же - их опасность (сущность самого аксиологического риска). Э.В. Патраков и Н.Е. Водопьянова провели исследование применения цифровых технологий относительно морального выбора, и в результате пришли к выводу, что «непосредственная готовность делегирования морального выбора («доверяю цифровой программе, цифровому алгоритму действий») имеет невысокую, но достаточно очевидную связь с высоким уровнем эмоционального истощения [10]». Здесь возникает вопрос: насколько уместно говорить о трансформации ценностей в современном обществе, если категория морального выбора (вспомним Ж.-П. Сартра с его «выбором человека вообще [11, с. 324]»), неотделимая от Я, «снимается»? Возможно, уместнее будет вести речь о полном снятии некоторых нравственных ценностей – на наш взгляд, данное понятие ближе современной цифровой ситуации, нежели «упадок»/ «трансформация». М. Бланшо писал, что «Я свободно по отношению к Другому лишь тогда, когда оно вправе отклонить требования, исторгающие его из самого себя, исключаящие его из собственных пределов [2]», и в этом смысле утрата при-

чинности поступка, его единственности как следствие отсутствия «личного» выбора – это не уход от требований Другого (в нашем случае – ИИ), это полное в них растворение, имплозия Я.

Заключение

Таким образом, искусственный интеллект (и цифровое пространство в целом) радикально трансформирует категории языка, диалога, морального выбора, поступка, ответственности, выступая катализатором аксиологических рисков. ИИ предлагает себя в качестве деконструкции любых оппозиций и символов: женщина/мужчина, мозг/компьютер, человек/машина; является проводником в мир, в котором подрываются понятия горизонтальности и вертикальности, поверхности и глубины, постоянства и ограниченности существования. И, в конце концов, все трансгрессии, деконструкции и метаморфозы находят свое игровое оправдание (всегда предполагающее свободу, уловки для свободы – выбора и диалога). Диалог и ответственность – это бинарная оптика (сродни априорным инструментам И. Канта, формирующим поле опыта), благодаря которой все еще можно говорить о человеке. ИИ, поднимая с новой остротой этическую и антропологическую проблематику, размывает, в первую очередь, не столько человеческое Я, сколько способы (оптику), при помощи которых это Я свободно конституируется и имеет возможность через Диалог и выбор (обладающих «регенерирующим» эффектом) воссоздавать себя заново в условиях неопределённости и множественности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен Дж. Что такое диспозитив? // Что современно? Киев, 2012. — 78 с.
2. Бланшо М. Неопишемое сообщество / Пер. с фр. Ю. Стефанова. Изд.: М.: МФФ, 1998. URL: <http://lib.ru/INPROZ/BLANSHO/soobshestwo.txt> (дата обращения: 21.04.2024).
3. Гройс Б. Публичное пространство: от пустоты к парадоксу. – М.: Strelka Press, 2012. – С. 7.
4. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и Новый Интернационал (Derrida J. Spectres de Marx. L'État de la dette, le travail du deuil et la nouvelle Internationale. P., 1993) / Пер. Б. Скуратова, под ред. Д. Новикова. М., 2006. – С. 92.
5. Долар М. Анаморфоза. // Лаканалия, № 22 «Нити», 2016. - С. 171. URL: <http://www.lacan.ru/journals/22-2016-niti/mladen-dolar-anamorfoza/> (Дата обращения: 26.04.2024)
6. Евстропов М.Н. Эммануэль Левинас: «Лицо» как абсолютное выражение // Известия ТПУ. 2010. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emmanuyel-levinas-litso-kak-absolyutnoe-vyrazhenie> (дата обращения: 23.04.2024).
7. Каширин А.Ю. Страх как культурная экзистенция современной мифологии // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2018. №2 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strah-kak-kulturnaya-ekzistentsiya-sovremennoy-mifologii> (дата обращения: 24.04.2024).
8. Лотман Ю.М. Мозг — текст — культура искусственный интеллект // Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллин: «Александра», 1992. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm#_Toc509600917 (дата обращения: 24.04.2024).
9. Назарова Ю.В., Каширин А.Ю. Аксиологические риски в контексте современного образования // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2019. №3 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskie-riski-v-kontekste-sovremennogo-obrazovaniya> (дата обращения: 24.04.2024).
10. Патраков Э.В., Водопьянова, Н.Е. «Человек дополненный» или «человек делегирующий»: делегирование морального выбора — следствие цифровизации? // Современные направления исследований в психологии: вызовы третьего десятилетия XXI века: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РФ, доктора философских наук, профессора Георгия Викторовича Телятникова, 30-летию факультета психологии Тверского государственного университета, Тверь, 01–02 июня 2023 года. – Тверь: Тверской государственный университет, 2023. – С. 51–57.
11. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сартр Ж.-П. Сумерки богов. –М., 1989. – С. 324.

12. Томильцева Д.А. Мораль в теории диспозитивов и проблема субъективности // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2016. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moral-v-teorii-dispozitivov-i-problema-subektivnosti> (дата обращения: 20.04.2024).
13. Юран А. Экстимность субъекта // Лаканалия, № 22 «Нити», 2016. - URL: <http://www.lacan.ru/journals/22-2016-niti/ajten-yuran-ekstimnost-subekta> (Дата обращения: 27.04.2024)
14. Artrip R. Virulence and Digital Culture. — Toronto; Buffalo, NY: University of Toronto Press, 2008. — p. 135.
15. Barthes R. «Préface» dans François Flahault, La paroleintermédiaire, Paris, Seuil, 1978, p. 7-10.
16. Burger M. & Martel G. Communication et argumentation dans les medias, 2005. — URL: https://www.researchgate.net/publication/289252304_Communication_et_argumentation_dans_les_medias/citation/download (Date of reference: 24.04.2024)
17. Guyonnet J.-P. Declaring an adverse event associated with healthcare: the professional responsibility of the carer torn between ethics, morality and law. *Éthique & Santé*, 2017/3.
18. Jonas H. Le Principe responsabilité. Une éthique pour la civilisation technologique, trad. fr. Paris, Champs Flammarion, 1999, p. 246-247.
19. Levinas E. Dieu, la mort et le temps, Paris, Grasset & Fasquelle, 1993, p. 216-217.
20. Sfez L. La communication, Paris, Presses universitairesde France, Que sais-je no256, 1997. — p. 87 – 121.
21. Sfez L. Télévision et réalité. La télévision et ses influences, 2003. - p. 133-140.

© Большакова Анастасия Сергеевна (anastasiabolshakova00@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»